

ПОЭЗИЯ

*Вера
Арямова*

Поэт в России больше, чем поэт. Он всегда ещё если не медработник, то учитель, не дворник, так кочегар, сторож. Вера Арямова, например, журналист. Воображение поэта и конкретность журналиста сходятся, пожалуй, лишь на искренности их носительницы. И потому сосуществуют в стихах гармонично, усиливая эффект сказанного. Назвать её поэзию «женской» язык не повернётся у того, кто знаком с её творчеством. Она мастер перевернуть душу читателя без сентиментальности, женской мольбы, слёзности. Впрочем, не то чтобы она вообще не жалуется – «поэзия вечно на что-то жалуется», что точно подмечено ещё предыдущими поколениями. Но попробуйте пожалеть лирическую героиню Арямовой. Не получится! А вот удивиться, посмотреть вслед – это да...

Вера Арямова живёт в Казани два с половиной года. Впервые за это время её стихи были опубликованы в «Казанском альманахе», затем, и неоднократно, в журналах «Казань» и «Идель», в антологии челнинской поэзии «Под небом высоким». И каждая публикация – это стихи новые, ещё нигде не публиковавшиеся

А СТИХИ МНЕ
БОГ ВЕЛЕЛ РОЖАТЬ

Вопрос сугубо половой
прополоскали в прагматизме...
А кто не скорбен головой
в харизматической отчизне?..

Вот-вот и кончатся обрывом
любовь, дорога и беда.
Не лживо – значит просто криво.
И скоро я умру красиво.
Такая вот белиберда...

Здесь будет каждый стар и слаб,
а я навечно молодая.
Приснились ночью волчья стая,
Клыки и мощь тяжёлых лап...

И воздух каменной стеной
стоял. Да я и не бежала!..
Вопрос сугубо правовой
решают волки и шакалы.

Я жизнь свою спасу или зарю,
но ты ни в чём не будешь виноват.
Там, где заря встречается с зарёю,
где травы в окна по-людски глядят,
где силу смятый набирает сад,
и никого вокруг, и за спиною,
где нет тебя, где ты всегда со мною,
рассвет – закат, закат – рассвет – закат...

Я отдаюсь тебе – душою и строкою,
и от тебя любви моей не скрою.
Ведь если я свои глаза закрою, –
твои, твои в мои глаза глядят!
А мой полубезумный белый сад
между тобой и мной стоит стеною,
и станет лучшей из моих утрат
твой отведённый дивный братский взгляд.

Зимнее солнце

Не поддамся судьбе ни на волос, –
за покой, за тепло, за жильё.
Зачарованно слушаю голос...
В нём и сердце, и солнце моё.

Пусть не жаркое, зимнее солнце,
а поди, – без него проживи...
Как не можешь ты жить без червонцев,
так и я не смогу – без любви.

Не тверди мне о – постоянстве!
На дороге моей не стой.
Без того ледяное пространство
На меня извергает вой.

Я и шёпот любви услышу...
Как бояться люди любви!
Её голос всё тише, тише...
И я знаю, что храм – на крови,
на костях... К изголовью
перелётные письма – пустяк...
жизнь построена не на любви,
а повисла на честном слове,
...просто так...

На той неделе ясный сокол
Ко мне приедет – погостить.
А я не думаю о сроках,
да и о том, что может быть.

Свечу зажгу, задёрну шторы,
чтоб слышать речь и видеть стать,
и обаянье, пред которым
весь мир не может устоять.

За каждым словом столько света!
За каждым – воля и простор...
Но катится к закату лето,
и лучше песни нет – неспетой,
гори, пылай в душе костёр!

Пловчиха

Отравленное лето,
пропавшее без вести,
Оплавленное кредо,
и каждый день по двести.

По двести метров Волги –
до быстрого течения.
Реальный, но недолгий
риск невозвращения.

А за вечерним чаем
Звучит «Чакона» Баха,
уносит от отчаянья,
раскаянья и страха...

97

Обещание

Я живу и ни-че-го не делаю,
богатею только на стихи.
Золотая осень. Солнце спелое.
А зима грядёт – седая, белая!..
Мысли холодны, дела лихи.

Вот пришла. А я заварку с мятой,
чай с малиной, и жива опять!
И стоит постель всю ночь несмятая,
я – бессонная, душа – крылатая,
а стихи мне Бог велел рожать.

А весной, как только распогодится,
Я уйду. Далече-далеко!..
Пусть бездельница я и негодница,
но уйду туда, где счастье водится,
где рассвет и где дышать легко.

Дорога

Сумрачным утром в себя возвращаясь,
видишь: над городом дождь.
Как научиться прощаться, прощая,
и не ломать то, что ждёшь?

Спит мой ребёнок спокойно и сладко,
дремлет небесная рать.
Как принимать этот мир без остатка,
как не желать, а отдать?

Вижу: двоится, троится дорога –
это от пролитых слёз.
Нет, ничего не прошу я у Бога
в стук вагонных колёс.

Нет, ничего я не жду от дороги,
кроме желанья – идти,
взглядом лицо дорогое потрогав
в самом начале пути.

Октябрь

Витает дым от сигарет,
здесь ни любви, ни смерти нет,
жизнь от расплаты до зарплаты.

Остановило время бег,
золотоглазый человек
на простынях моих помятых.

В его словах надежды нет,
стихи на завтрак и обед,
и нет вины и виноватых.

Пройдут дожди, придёт пурга,
лицом бела, душой строга...
Всё повторится многократно.

Ну а пока мы снега ждём,
вдвоём гуляем под дождём,
покинув кров, не помня даты.

Я не была его ребром,
и мне с таким не нужен дом
в октябрьских сумерках распятых.

а СТИХИ МНЕ...

Отсюда светать начинается.
Иль нет?.. Или да? Всё равно.
Ходила по раю и краю,
парила. И видела дно.

Отсюда всё видно: кругла и
мала, как усадьба, Земля.
Мы – дома. Разлука не злая.
Ты в Штатах, а я у Кремля.

Сыночек в Сеуле. Рукою
оттуда подать – Кострома...
А раньше была я другою:
разлука сводила с ума.

А нынче всё рядом, всё близко
на тёплой, как дынька, Земле.
И небо с отцом очень низко,
и звёзды, как искры в золе.

100

Дипельгольер

Утром дворники чешут асфальта затекшую спину,
заодно соскребая и листьев октябрьских паршу.
О любви или хлебе, Господь, не просила я и не прошу,
ни по Марксу, Господь, ни по Гринвичу и ни по Грину.

Но стеклянный, прозрачный, летучий пошли аппарат!
Алым светом пронизан – приснился сегодня он сыну.
Я, Всевышний, родилась в стране октябрят,
я-то точно её никогда ни за что не покину.

Я была в комсомоле, а раньше была пионер.
Белый верх, чёрный низ и алеющий пламенно галстук.
Я учусь хорошо. Пионер – он ребятам пример,
хоть чарльстон танцевать, хоть Шопена разучивать вальсы.

Но такое, такое – чудесное – дипельгольер!..
Он летит над землёю, вот чудо, Господь, погляди-ко!
Он прозрачный, невидимый всем, как и музыка сфер
не для каждого уха, а только во сне и для деток индиго.

Я отдам за него свой единственный велосипед,
ксилофон, колокольчик, блесну – всё, во что я играю.
Пусть ребёнок летит из страны октябрят и от бед,
пусть летит, пусть летит, раз приснилась машина такая!

Мой отец стал тепловозом

О рельсы стальные почти человеческий звук
колёс, отбивающих: «слы-шу-я-слы-шу-я-слы-шу».
А я соглашусь пережить ещё тысячу мук,
и спать много лет под чужою, неродственной крышей,

и быть чужестранкой в родимом когда-то краю,
с живою душою, разорванной в клочья, а всё же
ах, Отче, ты слышишь, как плачу, как песни пою,
а значит – поможешь, поможешь, поможешь.

Когда умерла, в предпоследний, как помнится, раз,
светлей фонарей и февральского снега белее
мне жизнь положили в ладошку: тверда, как алмаз,
ужели её в бриллиант превратить не сумею?..

Жестка и мозолиста неба отцовская длань.
А эта земля его тело в себе растворила.
И я уроднила деревьев червлёную скань.
Я счастья и воли полна, и не просто, а всклянь.
И всё – от любви до вражды – принимаю. Всё – мило.

